

ЭПИЛОГ

...Боже, Боже,
Ужели я когда-нибудь войду
В сей храм достроенный и на коленях,
Раб нерадивый, дам Тебе отчет
Во всё, что сделал и чего не сделал?
Миропомазанья великой тайной
Ты приказал мне царский труд, желая,
Чтоб мир стал храмом и над ним повисла,
Как купол, императорская власть,
Твоим крестом увенчанная, Боже,
И я ль Тебя в великий час предам?

Н.С. Гумилев. Отравленная туника

«Он правую веру в Христа, именно Троице в единстве и единству в Троице, после своих предков до самой смерти, как пастырь, сохранил непоколебимой и незыблемой. И что удивительно!

Он так был всем страшен, что если бы захотел показать слабость веры в других, устрашая их, как мать детей, мог бы страхом своей власти обличить нестойкость бежащих, хотя бы на время кое в чем отступая, употребив для этого изменение или убавление истины. Известно, что и между духовными нашлись бы такие, которые не смогли бы не побояться застрашиваний и запретить это нездоровое (лукавое) искушение веры, если бы нашлись хоть немногие из других людей, которые первыми показали бы ему двоедушие. Это я говорю не затем, чтобы показать, что царь как бы играл с церковью, но затем, чтобы сделать известною его собствен-

ную твердость в вере, а еще больше затем, чтобы показать бегство нестойких и слабость их веры.

Его, царя нашего, такого верного слугу (церкви), державшего людей в совершенном страхе и, что удивительно, в противоположность этому изменившего крепость своей природы на слабость, за непоколебимое, подобное столпу стояние за веру и утверждение (в ней) прочих, (следует) увенчать, ибо он хорошо знаком был с книжным учением философов об истине и кроме того отличался внешнею скромностью. Ради этого не следует низшим людям много говорить о царствующих и (без) стыда сообщать, если в них что было и порочно; ибо лучше неблагообразие царского поведения покрывать молчанием, как одеждою; — известно о Ное, праотце нашем, что его срамота была покрыта его благоразумными детьми, а как тот, упившийся вином, так и этот осрамил себя грехом, которому все причастны»³⁹⁷.

Из «Временника» Ивана Тимофеева

Русское Средневековье — это мир, принципиально отличающийся от нашего. Люди тех времен иначе думали, иначе веровали, иначе воспринимали время и пространство, имели иные нравственные идеалы, иное отношение к человеческой личности. Это был мир Традиции, раз и навсегда заведенного порядка вещей. Худшим обвинением служило слово «новина», т.е. разрушение устоявшегося социального института, обычая, изменение древнего бытового уклада. А самая смелая реформа производилась под флагом «возвращения к старине», искаженной людьми недобрыми и неумными. Самое бурное общественное и культурное развитие, стремительная «смена картинок» воспринимались как плавание по огромному и неизменяемому океану от порта «Сотворение мира» до порта «Страшный суд», на корабле, где поколения команды сменяются другими поколениями... Шторм ли стоит на море, или затишье, а вокруг лишь вода и небо, чайки и ангелы, рыбы и водяные бесы. Любая перемена —

часть более глобального постоянства. Время поглощается вечностью... Время — палуба, вечность — океан.

Позднее этот мир постарел, европеизировался и стал постепенно разрушаться, покуда не грянул последний залп 1917 года. Сейчас от него мало что осталось, и в прежнем виде ему уже не быть восстановленным никогда³⁹⁸.

Но когда он был в цвету, каждому его жителю предназначалась роль и место в строго распланированной общественной системе. Личность человека была важна постольку, поскольку ему предназначалось принять участие в мистерии жизни, уйти за кулисы и там получить оценку Высшего судии. А значит, главное предназначение христианского общества и государства состояло в том, чтобы обеспечить наилучшие, наиболее комфортные условия всех «актеров». Отказ от игры и от полученных вместе с ролью в спектакле прав и обязанностей, от места в жизни, от предназначения, оценивался прямо противоположно современным этическим образцам. «Бунт против системы», «обретение себя», личная независимость, выход за общепринятые нормы, попытка сломать их воспринимались не только и даже не столько как преступление, сколько как мерзость или дурость. Человек-вне-общества, он же, по терминологии того времени, гультай-меж-двор приобретал для современников дурной запах³⁹⁹. Он становился ходячей тухлятиной. Общественные тяготы переносились с терпением и смирением — это одна из важнейших черт Русской цивилизации⁴⁰⁰. Люди видели в трудностях земных отблеск легкости небесной, спасение души стояло на порядок выше любых других личных приоритетов.

Общественный механизм XIV—XV вв. напоминал большую деревню, где каждое княжество и каждая аристократическая республика представляли собой теплый, ухоженный домик, посреди них высился храм общей для всех митрополии, а над крышами простирала Покров сама Богородица. Создание единого Московского государства превратило

деревню в один очень большой дом, храм митрополии — в домовую часовню патриархии, и лишь Покров остался прежним. Однако это были изменения, поглощенные цивилизационным постоянством Руси. Их глобальный характер почувствовали только высшие слои общества, поэтому социальные конфликты XVI столетия в основном имеют верховой характер и не затрагивают толщу русской жизни.

В этом громадном доме общий порядок ни для кого не предусматривал исключений. Государь и митрополит⁴⁰¹ были включены в действие. Им так же не полагалось выламываться из общей системы, как и последнему бедняку-крестьянину. От них требовалось даже более неуклонное следование роли, поскольку оба «играли» на виду у всего государства. И земная, т.е. общественная, оценка их жизни производилась традиционным обществом именно по критерию соответствия предназначению. Если всем прочим социальная мобильность, сохранявшаяся в старомосковском обществе XVI века, давала возможность по собственному желанию или по непредвиденным обстоятельствам переменить роль, судьбу и предназначение⁴⁰², то монарху и высшему архиерею страны можно было «уйти на пенсию» только в монахи или на тот свет.

За всю историю Московского государства только два монарха⁴⁰³ совершали попытки «сыграть не по правилам», противопоставить себя старомосковскому общественному укладу и культурной традиции, утвердившейся под влиянием православия. Это Иван IV и Лжедмитрий I. Последний стал признанным антигероем русской истории, и даже либеральные попытки представить его «неудавшимся реформатором»⁴⁰⁴, ничуть не улучшили массовое восприятие этого исторического деятеля. Что же касается Ивана IV, то здесь все намного сложнее.

Иногда создается впечатление, что этого государя сам Господь послал России. Попущение всем его неудачам и злодеяниям, возможно, было уроком всей стране: насколько

ко славен и удачлив был православный царь, пока он был настоящим православным царем и не пытался уклониться от своего предназначения, и насколько мерзок, жалок и несчастлив стал он, изменив собственной роли...

Иван IV возжелал не только править страной и народом, но и отделиться от них, встать над ними, преобразиться в независимую силу, ничем не сдерживаемую и ничем не ограниченную в своих планах и действиях по отношению к подданным. Законодательного, правового ограничения ему и впрямь не существовало. Ни византийское, ни русское право его просто не предусматривало. А современные политологические представления о природе власти, социальная философия, навеянная духом эпохи Просвещения, в принципе непригодны для того, чтобы устраивать суд над государями старомосковскими и их временем⁴⁰⁵. Невозможно и бессмысленно применять Уголовный кодекс Российской Федерации, скажем, к местническому делу. Так же невозможно и бессмысленно требовать от грозненской эпохи соответствия каким-то невнятным «общечеловеческим ценностям», за которыми кроется рублифицированный либерализм. Для всех этических максим нашей интеллигенции, гуманистичной и вестернизированной, у XVI столетия один ответ: пороть, пока дурь не вылетит из головы. И этот ответ на «критику слева» адекватен. Никогда нравственные вкусы потомков не были милосердны к духовному укладу предков, но лучше ли стали потомки? Наше время, мутное от интеллектуальной эквилибристики униженных поколений, слабое и неплодоносное, должно бы склонить голову перед героической, кровавой и блистательной эпохой последних Рюриковичей. Бурное социальное творчество того времени, самоотверженная борьба с опасными врагами, невероятная витальность и в то же время духовная эпичность дадут сто очков вперед нашей невразумительной помойке... Совать в русское Средневековье какой-нибудь, прости Господи, ро-

зовый социализм, либеральную хельсинковщину или, скажем, тупо-бесчеловечную науку экономикс — проявление пошлости и недоумия одновременно. Но это не значит, что Московское государство в зените существования своего не знало высшего смысла и высшей правды, подчиняться которым должны были в равной степени и царь Иван Васильевич, и какой-нибудь гарнизонный пушкарь из Шацка. А смысл этот и эта правда таковы: государь — всего лишь первый из христиан, равных перед Богом. Истинный царь — Царь Небесный, и все жители православной державы ходят под рукой Его, смиренно подчиняясь Его воле, чтят Его заповеди, и хлеб насущный принимают из Его невидимых рук. Над царем, таким образом, стоит суд Бога, точно так же, как и над каждым из его подданных⁴⁰⁶. И подданные вправе заниматься «критикой справа», т.е. ставить вопросы: относится ли к ним государь, как к членам огромной христианской общины, иными словами, как к членам колоссальной семьи? Он имеет право на строгость точно так же, как и всякий отец семейства, но и заботиться о семействе точно так же обязан — как о родне. Читает ли он заповеди? Добрый он христианин или же отступник? Еще византийская традиция позволяла отказать государю в повиновении, если он покушается на основы веры... Если государь отступничает, если он — «ложный государь», стоит ли ему подчиняться и как тогда упрямить свою жизнь? Жизнь своей семьи? Жизнь города? Жизнь страны? Порой ответы на эти вопросы инициировали ужасающий бунт. А в Смутное время ответом на них стала титаническая борьба и социальная катастрофа.

Каким же христианином был царь Иван Васильевич? И каким он был православным государем?

Пришло время подвести итоги.

Иван III, гениальный политик, оставил своему сыну Василию страну, находящуюся на пике цивилизационного развития, мощную, богатую, получившую наследие утонченного византийского интеллектуалитета, бурно развивающуюся, защищенную как энергичной дипломатией, так и свирепым войском выносливых воинов-помещиков. Василий III был достаточно хорош, чтобы не потерять основных приобретенный отца и не ставить перед несущимся на полной скорости эшеломом Русской цивилизации искусственных препятствий. Даже наша служилая аристократия, своевольная и самолюбивая, отдала не столь уж много в период правления Елены Глинской, а затем в юные годы Ивана Васильевича. И вот молодой царь взял вожжи в руки. Система управления пестрым военно-служилым классом, огромной территорией, полусложившимися сословиями, да еще в условиях постоянной готовности драться насмерть, отражая нашествия с юга и востока, оказалась безумно сложной. Церковь занята была важными реформами, иосифлянство и нестяжательство сцепились в клинче. Правильно выстроенные отношения с Церковью стоили дорогого, но добиться симфонической гармонии тоже оказалось непростым делом. Россия тех лет имела невероятно запутанное, да еще не до конца сформированное, устройство, все оставалось в движении, ничто еще не успело застыть. Чтобы адекватно править страной, требовалась колоссальная воля, твердость, холодный изоцранный ум и, одновременно, чувство равновесия. Система адекватно действовала, покуда правитель видел, влияние каких групп требуется уравновесить, кого поддержать, а кому дать укорот, на каких условиях включить бывших властительных князей в московские правительственные круги, когда стоит им прощать фронду, а когда прощать нельзя и требуется применить силу. Иван III идеально подходил для этой задачи. Иван IV унаследовал от деда один только масштаб мышления. Будучи наделенным нервной, артистической натурой, он больше умел *выглядеть*

великим правителем, нежели *быть* им. Он слишком многого ожидал от благоприятных обстоятельств и слишком быстро впадал в уныние, когда ситуация осложнялась. Государь не обладал должной твердостью и должной волей. Поэтому, испугавшись сложности и динамизма административной системы Московского государства, Иван Васильевич попытался заменить постоянную, нешумную деятельность хладнокровного манипулятора мерами экстренного характера, эффективную практическую деятельность эффективной идеологией, упорство в достижении целей простой жесткостью, а христианскую нравственность лицедейством. Это отчасти напоминает конец двадцатых — начало тридцатых годов в СССР: «сплошная коллективизация» в значительной степени была инициирована страхом «не справиться» с деревней и нежеланием всерьез, изо дня в день, из года в год вести кропотливую работу с сельским населением...

Иван Васильевич не имел права поддаваться истерике, холить и лелеять нервную хлипкость. Он государь, с него и спрос другой.

Иван IV умыл Россию кровью.

Один книжник, свидетель грозненской эпохи, через несколько десятилетий после смерти Ивана Васильевича напишет о нем: «Больше к единоверцам, которые находились в его руках, под его властью, к близким ему людям — великим и малым, нежели к врагам, он оказывался суровым и неприступным, а к которым ему таким быть следовало, к тем он был не таким от поднимающегося в нем на своих людей пламенного гнева»⁴⁰⁷.

Несколько тысяч раз государь Иван Васильевич нарушал заповедь «не убий». Лично он был исключительно богомолен, совершал то и дело паломничества в монастыри, даже пищу крестил за обедом. Он заказывал молебны по душам собственноручно им или по его приказу убиенных людей, приказав составить огромные синодики. И, насколько можно судить, покаяние государя было искренним и глубоким.

Он непоколебимо стоял против ересей, не допустил в страну протестантизм, а в годы, когда Московской митрополией правил св. Макарий, установил с Церковью добрые отношения.

Но.

Он несколько тысяч раз нарушил заповедь «не убий».

Такого не водилось за Иваном III, правителем суровым, а порой и жестоким. Длительное правление его скудно пытками и плахами.

Такого не водилось за Василием III. Этот не обладал и третью талантов отца, но страну от крупных неприятностей сберег и острых социальных конфликтов не вызвал.

Такого не водилось за Федором Ивановичем, а итог его царствования скорее положителен для России.

Такого не водилось даже за Борисом Годуновым, хотя он и сидел на престоле крайне непрочно.

Василий Шуйский казнил немало народу, но это происходило в условиях открытого вооруженного противостояния с мятежниками.

За Михаилом Федоровичем.

За Алексеем Михайловичем. При нем казнили много, но в подавляющем большинстве случаев — за открытый бунт, злой и разрушительный.

За Федором Алексеевичем...

И лишь деятельность Петра Великого по степени пролитой крови может сравниться с грозненской эпохой. Но это уже и время другое, старому Московскому царству приходит конец.

Бог судья Ивану Васильевичу, но никак невозможно, чтобы добрый христианин так зверствовал!

Владимир Святой, крестившись, спрашивал у Церкви, может ли он казнить, и Церковь на себя приняла его грехи. Царица Елизавета Петровна отказалась от смертной казни. И даже скорый на расправу Петр I спрашивал у патриарха: достойно ли казнить мятежных стрельцов? Если добрый

христианин убил, даже защищая собственную жизнь, даже на войне, в бою, ему пристало скорбеть и сокрушаться сердцем о содеянном грехе.

Отчего же Иван IV губил людей так легко?

Нет, не за день и не за месяц до составления синодиков, о которых говорилось выше. Был период, когда государь жил на огромной дистанции от покаянных слов и мыслей. Тогда он убивал скоро, без особых рассуждений. А с возрастом, видимо, мысли о последнем суде и спасении души растревожили его...

Первый воевода страны, он добился к концу царствования очень сомнительных успехов. Где-то территория его державы расширилась, а где-то страна понесла утраты. Результат, таким образом, можно толковать по-разному. Нет ни очевидного успеха, ни очевидного провала. Но цена, заплаченная за этот зыбкий баланс приобретений и утрат, непомерно высока. Россия, страна редко заселенная, располагавшая сравнительно небольшой армией, которая должна была проявлять крайнюю мобильность, чтобы успевать повсюду и везде, потеряла слишком много представителей военно-служилого класса, притом самый цвет его, т.е. людей, относящихся к верхушке. Боясь собственных служилых аристократов, гневаясь на них за изменные замыслы и уничтожая их под влиянием страха и гнева, Иван IV нанес огромный урон обороноспособности страны.

Царь отвечал перед Богом за сохранность отданных ему под руку единоверцев. Отчего же он допустил московский разгром 1571 года? Отчего он не смог защитить столицу православной державы от басурманского нападения?

Первый дипломат страны, Иван Васильевич упустил несколько удобных возможностей выйти с малыми потерями и большим прибытком из тяжелой Ливонской войны; не сумел подружиться с Крымом, хотя у деда его получилось сделать агрессивных крымских ханов своими помощниками; не смог найти для истекающей кровью России надежных и

сильных союзников; бывал заносчив с иностранными государями, когда Бог попускал его державе успех, но в положении просителя впадал в униженное состояние. Между тем не одна честь государева поставлена была на кон, когда принимались важнейшие военные и внешнеполитические решения, но еще и тысячи жизней. Думал ли Иван Васильевич, сколькими жизнями придется расплатиться стране за его горделивое любованье собой?

Бог судья Ивану Васильевичу, но никак невозможно доброму христианину столь мало заботиться о ближних, тем более о тех, чья судьба прямо зависит от слов его и действий.

Свою особую роль самодержца в христианском мире, особые пути спасения его души, особые его права Иван IV объявлял публично, не стесняясь несовпадения всего этого с учением Церкви. Государь произвольно толковал Священное Писание. На протяжении многих лет он не подходил к причастию, предпочтя ему плотские утехи и подведя под свой выбор нелепое идеологическое оправдание. Опричное сборище и, в частности, «Слободской орден» с религиозной точки зрения толкуют по-разному — то как подобие монашеского ордена, то как подобие эзотерического камлания или прямо бесопоклоннической секты, устроители которой сделали посмешище из богослужения. Среди всех мнений об опричных порядках особенно важно свидетельство архиерея и очевидца происходившего — св. митрополита Московского Филиппа. А он в опричных обычаях, опричной одежде, повадке опричников и склонности их к пролитию крови не увидел ничего христианского.

Бог судья Ивану Васильевичу, но никак невозможно, чтобы добрый христианин выдумывал еретические измышления и устанавливал безбожные обычаи, пытаясь придать себе особое положение в христианской общине.

Первый русский царь заключил больше браков, чем позволяли ему каноны православной Церкви. Любил ли он

своих жен — знает один Господь. С некоторыми из них Иван Васильевич поступал сурово, с иными — заботливо. Будучи в браке с одной из них, беззастенчиво женихался к иностранной государыне, а потом к ее родственнице, не видев между тем ни той, ни другой... Он, по всей видимости, стал причиной гибели собственного сына Ивана. По свидетельствам иностранцев⁴⁰⁸, царь допускал прелюбодеяние и даже не скрывал этого. Летописец подтверждает это: после смерти первой супруги, царь «...нача... яр быти и прелюбодействен zelo».

Бог судья Ивану Васильевичу, но никак невозможно, чтобы добрый христианин так распутствовал!

Наконец, отношения первого русского царя и Церкви были далеко не безоблачными. До несчастного дня 31 декабря 1563 года, когда скончался св. митрополит Московский Макарий, государь находился под его благодетельным влиянием, и это было доброе время для страны, для Церкви и для высшей власти. Наследовавшим от него Московскую кафедру архиереям приходилось хуже и солонее. Митрополит Афанасий самовольно оставил митрополичью кафедру, видимо, не выдержав зрелища казней. Митрополит Филипп восстал против опричнины и погиб. В разное время помимо святителя Филиппа от царя и его приближенных пострадали и погибли крупные деятели Церкви, в том числе настоятель Псково-Печерский св. Корнилий, Новгородский архиепископ Леонид, архимандриты московских Симонова и Чудова монастырей Иосиф и Евфимий, архимандрит Солотчинский Исаак, архимандрит Троицкий Памва, архимандрит Антониево-Сийской обители Геласий, нижегородский Печерский архимандрит Митрофан, причем на долю Леонида выпала страшная, мученическая смерть⁴⁰⁹. По приказу царя были убиты многие священники, монахи, церковные слуги и служилые архиерейские дворяне. Архиепископа Новгородского Пимена, лишив сана, заточили в веневский Никольский монастырь⁴¹⁰. Что же это за верующий, кото-

рый, как пес, грызет собственную Церковь?! Впоследствии о грозненском времени с изумлением и печалью напишут: «...[царь] не утрашился же и святительского чина, оных убивая, оных заточению предавая...» Помимо казней, опал и ссылок в отношении людей духовного звания, государь беззастенчиво вмешивался в церковную жизнь, вертя ею по своему произволу. Фактически он низвел митрополичью власть до уровня какого-то простого приказного администрирования. Современники и ближайшие потомки разное писали о состоянии общества в грозненское время. Но никто ничего доброго не сказал об отношении царя к Церкви. А митрополита Филиппа канонизировали во времена Алексея Михайловича, и это о многом говорит.

Бог судья Ивану Васильевичу, но никак невозможно, чтобы добрый христианин терзал и унижал свою Церковь, ставя в полушку слова символа веры «...во Едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь».

Русский интеллигентизм поколение за поколением устраивает вокруг фигуры Ивана Грозного словесные баталии. В 2009 году, в связи с выходом на экраны фильма «Царь», созданного Павлом Лунгиным по сценарию Алексея Иванова, эта вечная дискуссия вспыхнула с новой силой.

На следующий день после того, как фильмом Павла Лунгина «Царь» открыли Международный московский кинофестиваль, режиссеру поставили диагноз: «Да он полный невежда! Ничего не знает и ничего не понимает в русской истории!» Ну а дальше посыпалось: «Как можно было так изображать одного из самых эффективных правителей России!» (Речь идет об Иване Грозном.) Или: «Как можно было сляпать пошлую православную агитку!» Или: «Как можно было опуститься до тупой либеральной агитки!» И так далее, и тому подобное.

Полагаю, ММКФ-2009 сделал ставку на Лунгина абсолютно правильно. Лунгин сделал сильную вещь. А его кри-

тики большей частью расписались в неумении внимательно смотреть фильм. Большой частью — потому что остальные расписались в каком-то изощренном лукавстве.

В картине Лунгина нет ничего от агитки и тем более от невежества. Это весьма сложная лента, сценарий которой писал Алексей Иванов — чуть ли не лучшее перо русского мейнстрима, человек, несомненно, прилично разбирающийся в нашей истории. Что же касается «эффективного правителя» Ивана Грозного, то как быть с тем, что он проиграл главную войну своей жизни — Ливонскую? Как быть с сожженной Москвой, куда царь допустил татар? Как быть с двумя православными святыми, убитыми в его правление?

Режиссер и сценарист пошли по очень рискованному пути. Они превратили историческую основу фильма в набор символов. Поэтому фильм «Царь» нельзя назвать историческим ни в малой мере. В деталях там неточно буквально всё, и всё сдвинуто со своих мест в пространстве и времени. Не тогда, не с тем королем во главе и не при тех обстоятельствах поляки взяли Полоцк. Не такого возраста был царь Иван Васильевич. Не зимой приехал Филипп с Соловков в Москву ставиться в митрополиты. Не беседовал царь с Филиппом перед тем, как Малюта убил Филиппа. И еще очень много «не...».

Но фильм и не претендует на то, чтобы его называли историческим. Некоторые хронологические и пространственные сдвиги поданы, без сомнений, нарочито. Иными словами, трансформация исторического факта в символ не оставляет камня на камне от правды конкретного события, но из этого сделан художественный прием, на котором фокусируется внимание зрителя. И умный зритель понимает: реализм на экране полностью заменен символизмом. Искать в фильме фактическую точность бесполезно, ее просто нет. Искать точность в сочетаниях символов — необходимо, поскольку без этого фильм просто нельзя понять.

«Царь» — христианская драма. И если в деталях неточно всё, то в главном там всё сказано очень точно.

Почему Полоцк открывает ворота врагу в 1568 году, когда это на самом деле произошло десятилетием позже? Да потому, что падение этого города подано как символ поражения России в Ливонской войне. Взятие Полоцка — самая большая победа Речи Посполитой. Она пришла под занавес войны и многое изменила к худшему. В фильме падение Полоцка ассоциируется с весьма сложной ситуацией: храбрые воеводы, честно дравшиеся с поляками на подступах к Полоцку, казнены. Город, однако, сдали не они — Полоцк сам открыл ворота безо всякого сопротивления (что, кстати, никак не соответствует исторической действительности: на самом деле гарнизон упорно сопротивлялся). Всё это — выдумка сценариста и одновременно правда более высокого уровня: под занавес войны у нас почти не осталось толковых воевод, армии разбежались, города и впрямь время от времени открывали ворота врагу. Таким образом, режиссер сжал более десяти лет в несколько месяцев, позволив зрителю увидеть *результат* правления Ивана IV. Результат, мягко говоря, не свидетельствующий об «эффективности».

Отчего царь, которому в 1568 году было всего лишь 38 лет, выглядит намного старше? Помилуйте, если время спрессовано, то естественно увидеть человека в том возрасте, которого он достиг к концу хронологической дистанции, а не в самом ее начале. Что ж, к концу сжатого отрезка Ивану Васильевичу было уже 49, а не 38. Примерно на столько и выглядит Петр Мамонов, играющий государя.

Почему Филипп явился в Москву зимой, а не летом 1566 года, как было в действительности? Да потому, что времена года в фильме связаны с определенными состояниями общества. Филипп летом въезжал в зиму опричнины. Стоял мороз, и люди зябко кутались в худые одежды.

В одном эпизоде опричники сжигают храм, где укрылись монахи, не желающие отдать карателям останки убитого Филиппа. Откуда взялась эта сцена? Ничего подобного в истории не было. Попытаться найти ей фактическое соот-

ветствие в источниках XVI века значит производить напрасный труд.

Но в фильме этот эпизод — часть художественной правды. Он символизирует разрушение православных устоев, производимое черным воинством опричнины. Не напрасно в финальных кадрах с горящей церкви падает в снег луковица с крестом. Христианство поругано, духовный авторитет Церкви обращен в ничтожество — вот смысл эпизода. И он соответствует действительному отношению первого русского царя к Церкви.

В первой половине фильма Лунгин играет со зрителем в странную игру. Он как будто подсовывает ему стереотипы, давно знакомые по самой незамысловатой публицистике. Вот царь — восточный деспот, полусумасшедший мистик, которому христианство ударило в голову, вызвав к жизни дикую смесь веры с варварством. Да и народ подстать монарху — сплошь холопы и палачи, какие-то мерзкие невымытые рыла, полуосмысленные вопли вместо речи.

И вот митрополит — настоящий европейский гуманист, ценитель идей Леонардо. Кто он здесь? Чужак, странным образом прибитый к берегу родной страны. Зачем он здесь? Да просто вляпался ненароком: ведет себя Филипп как внешний наблюдатель, отстраненно взирающий на зверства и скороморошества тирана. Олег Янковский в одном из последних интервью так и сказал о своем герое — европейский человек, гуманист... Слава Богу, сама логика роли всю эту невнятную и натужную европейскость смысла начисто.

Либеральные стереотипы, лукаво подобранные Ивановым и Лунгиным зрителю в начале картины, к финалу сменяются настоящей русской историей, пахнущей кровью, верой и правдой.

Что же вышло в итоге, когда фильм переломился? А переломился он тогда, когда большая кровь опричнины коснулась самого Филиппа, когда наблюдение его, сопровождающееся редкими советами государю — мол, подобает

тебе, царе, миловать, — оказалось недостаточной реакцией на события. Режиссер и сценарист заставили Филиппа окунуться в русскую опричную действительность с головой. Он попытался кого-то спасти, что-то исправить, да тщетно. И осталось одно-единственное средство, способное вылечить окружающую реальность, заболевшую бесчеловечностью и безлюбием. Это средство — самопожертвование. Лунгин направил митрополита по пути Христа. И даже заставил Ивана Грозного, обрекая Филиппа на смерть, поцеловать его Иудиным обычаем.

Вот тогда-то и сошлись концы с концами в этом фильме. Куда только девалась вся детская игра с чертежами Леонардо, занимавшими воображение Филиппа! Всё исчезло, всё оказалось не столько даже наносным, сколько просто не важным по сравнению с тем подвигом, который предстояло совершить святителю. Филипп из гуманиста-наблюдателя превратился в настоящего русского православного человека, взявшего на себя тяжелое бремя: пострадать за Христову веру, принять муки за истину.

Как только пастырь всего народа стал делать то, что ему и следовало сделать, выяснилось: и народ-то хорош, здоров. Народ, оказывается, крепко верует, любит Бога и не любит ложь. Филипп стоит на своем, отказывая царю в благословении на опричные зверства. Тогда и воевода, которого под пыткой вынуждают обвинить митрополита в измене, терпит боль, не сдается. Тогда и монахи добровольно отдают жизни, не желая выдать тайно погребенное тело Филиппа опричникам. И рыла из первого получаса картины чудесным образом преображаются в иконописные лики. Не безобразен, оказывается, русский народ, а красив, благороден, силен...

Получается так, что народ оказался взрослее собственного монарха. Русские стали настоящими христианами и готовы жертвовать собой ради торжества истины. Когда государь отходит от этой истины — а она состоит в соеди-

нении веры во Христа с любовью, — народ покидает его. Последняя реплика фильма исходит от Ивана Васильевича, пожелавшего собрать людей на царское увеселение, но никого не увидевшего вокруг себя и горестно вопрошающего: «Где мой народ?»

Народ вырос, а царь за этим ростом не поспел. Он остался душой в тех временах, когда первые князья русские только-только крещались и едва успели попробовать на зуб, что за вера пришла на смену их бесхитростному идолопоклонничеству. Иван Васильевич весь — в полуязыческой дружинной стихии, для него еще культ силы превышает всех иных культов. Искренне молясь Богу, желая знаков Его любви, царь обращается к... еще большей силе, чем он сам. Точно так же, как главный каратель Малюта обращается к нему, своему государю, видя в монархе силу, абсолютно господствующую над его собственной.

Для понимания фильма очень важны символы язычества, намертво привязанные к образу царя. Молния, «хрястнувшая» вроде бы по приказу Ивана Васильевича, затравливание медведями опальных воевод (Филипп прямо называет это языческой расправой), опричный дворец — точь-в-точь мавзолей восточных языческих владык, да еще, пожалуй, мавзолеем Ленина... Новоиспеченная царица Мария Темрюковна, лишь недавно узнавшая крещение, наполнена горской дикостью, жестокостью, жаждой унижать подвластных ей людей. То же самое творится в душе самого государя. Только Мария Темрюковна проста, как прокисшее молоко, а государь — личность гораздо более сложная. Ту играющую злую силу, которая то и дело проявляется в поведении царицы, Иван Васильевич скрывает за юродством, за велеречием, за показным раскаянием. А всё же именно она руководит его действиями. И она же помрачает его душу. Мария Темрюковна — своего рода двойник царя. Что у него, книжного человека, на уме, то у нее, свирепой дуры, на языке.

Таким образом, личная вера Ивана Грозного — не вполне христианство. Это гремучая смесь торжествующего язычества с некоторыми частицами Христовой веры, поставленными в подчиненное положение. Любовь к грозе, к грому, к власти над жизнью и смертью подданных, к пролитию крови — из Святославовых времен, а не из Владимировых и позднее.

В итоге народ идет за Филиппом, поскольку он — личность, созревшая внутри христианства, которое прочно вошло в народную душу. А царь остается покинутым, поскольку он... выломился из общего лада. Иван Васильевич оказался в роли одинокого революционера, стремящегося вернуть в православную страну порядки седой древности, реабилитировать язычество под маской какого-то особенного, истинно царского христианства. Это сторонник «консервативной революции» в XVI столетии, пытающийся оживить мертвую традицию варварских времен. Вот за такую-то неудавшуюся, слава Богу, революцию русским пришлось нескучно заплатить своей кровушкой.

Это очень похоже на правду. Настоящую большую историческую правду, стоящую выше событий и обстоятельств, вольно сдвинутых режиссером со своих мест. Лунгин придал этой правде форму мифа и создал фильм-миф. Картину будут ругать на чем свет стоит, но примут и не забудут.

После выхода фильма появился роман Алексея Иванова «Летоисчисление от Иоанна». Он жестко связан со сценарием картины, но далеко не тождествен ему. Каких-то сцен нет в фильме, каких-то — в тексте, разница большая. Иванова все кому не лень принялись обвинять в невежестве, лжи и передергивании исторических фактов. Нарыли океан «фактических ошибок». Но в фильме исторический материал уходит в символ, строки источника трансформируются в сложный знак, который понятен человеку с определенным уровнем интеллектуальной культуры, а без нее рассыпается в простые неточности. Фильм ни в коей мере не истори-

ческий, нет там никакого исторического реализма. Зато исторический символизм есть, и он пребывает на высоком уровне философского освоения материала. Фильм скорее историософский. Это размышление на общественные, религиозные и философские темы, в котором фактический материал служит даже не иллюстративным материалом, а своего рода декором, привязывающим высказывание к культурному контексту Русской цивилизации. А вот роман — несколько другое. Допустим, где-то у Иванова есть прямые и очевидные ошибки вроде медной монеты, которую рассыпают народу, устраивая давку. Рассыпать в середине XVI века могли только серебряную монету... По части быта у Иванова неточностей хватает. Но в бытовых мелочах люди, работающие с историческим материалом, вообще ошибаются чаще частого. С теми же монетами, кстати, ошибался и такой титан, как А.Н. Толстой, и весьма грамотный исторический романист современности Даля Трускинская. Нехорошо, но простительно — писатели ведь, а не историки. Ровно так же историка, взявшегося писать художественное произведение, литератор обвинит в том, что ученый не умеет пользоваться литературным русским, не имеет представления о композиции, системе образов и т.д. Любопытнее в данном случае другое: Иванов *сознательно* отрывается от исторической фактуры *значительно дальше*, чем в фильме. Например, в книге есть сцена, где юный Филипп спасает от мятежников юного Ивана (чего в реальности не было и быть не могло, так как один старше другого на 23 года). Или, скажем, общий мотив текста Иванова, что царь заменяет в христианстве веру в Бога верой в монарха (такого тоже не было, хотя некоторые мотивы в посланиях царя могут привести на подобную мысль). Зачем? Разве писатель не знал, что этого нет, этого быть не могло? Да, знал, он читал источники, где это прямо сказано, и знание данных источников следует из других сцен романа. Так почему же он «искажил»? А он вовсе не «искажил», он... нечто

другое. Там, где у Лунгина — историософский трактат, у Иванова — трактат мистико-богословский. И у него просто *нет исторической реальности России*, а есть мистическая реальность, вобравшая в себя некоторые приметы нашего XVI века *в качестве фона*. Иванов не ошибается, Иванов тянет читателя на иной уровень понимания, уровень, оторванный от действительной истории совершенно. И юные Филипп с Иваном не два реальных человека, а воплощенное столкновение праведности и неправедности. И царь, допуская, конечно, очень вольные толкования христианской догматики, не доходил до самообожествления, но Алексей Иванов концентрирует в Иване Васильевиче стремление приспособить христианство к нуждам великой личности, перемолоть его жерновами власть и выдать кашницу, годную лишь для покраски плакатов «Верьте в меня!». Иными словами, развивает мотив неправедности, появившейся в предыдущих главах и постепенно затягивающей душу государя в омут.

Алексей Иванов концентрирует важнейшее, концентрирует высшие смыслы, даже не философские, не политические, а именно мистические, небесные, нарочито пренебрегая ради столь мощного градуса концентрации правдой факта. Так делали в древности наши иконописцы, не придававшие фону особого значения...

Приемлем ли подобный художественный метод?

Трудно сказать. С одной стороны, слишком жутко ломается через колено Его Величество исторический факт. С другой, возможно, Иванов вытаскивает нашу литературу к какому-то совершенно новому способу художественного освоения русской жизни. Это может быть и интересно, и плодотворно. Допустим, Иванов сделал рискованный и сильный шаг вперед в художественном поиске. Но тогда... ему стоило уйти от реальной истории еще дальше. Чтобы сказочно-мистический элемент стал ощутимее, чтобы не лезло в самые очи то, что великому православному святому в жизнеописание втащили какую-то отсебятину.

Фильм войдет в историю нашего кино. Роман войдет в историю нашей литературы.

Поэтому здесь и отдано столько места обсуждению картины П. Лунгина и романа А. Иванова.

Не так давно в околоцерковной среде появилось движение за канонизацию Ивана Грозного, Григория Распутина и некоторых других спорных деятелей нашей истории⁴¹¹. Интенция его понятна. Естественно быть русским государственным и при этом крепко верующим православным. Многим хотелось бы слить воедино эти два пристрастия. Но любовь к Христу и любовь к национальной державности — разные вещи, далеко не всегда их можно соединить. Христова искупительная жертва выше любых этактических ценностей; любить свою землю, своих соотечественников, болеть душой за свое государство — желание понятное и правильное, но все эти душевные порывы и практические действия должны стоять в иерархически подчиненном отношении к заповедям Господа и вере в Него. Хорошо, когда никакое противоречие не раздирает единство державы и Бога, заключенное в душе и мыслях верующего. Полагаю, в большинстве случаев это возможно. Но если нет, тогда истину Св. Троицы следует предпочесть истине национально-государственных интересов. Не всех наших монархов, даже если это крупные политики, радители за отечество и люди добронравные, стоит объявлять святыми. Любимые народом святые равноапостольные Ольга и Владимир, святые благоверные князья Александр Ярославич и Даниил Александрович, святой милосердный и богомольный царь Федор Иванович (совсем не политик) легко и естественно вошли в сонм святых. Другие князья и цари — не столь просто и, в ряде случаев, после горячей полемики⁴¹². Но в отношении Ивана IV церковная иерархия стоит прочно и непримиримо:

этот человек не должен быть канонизирован. Между тем глас Божий в таких случаях может быть донесен до общества лишь посредством соборного решения архиереев.

Что же говорят архиереи?

Вот отрывок из речи патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру и приходским советам храмов города Москвы: «Если признать святыми царя Ивана Грозного и Григория Распутина и быть последовательными и логичными, то надо деканонизировать митрополита Московского Филиппа, преподобного Корнилия, игумена Псково-Печерского, и многих других умученных Иваном Грозным. Нельзя же вместе поклоняться убийцам и их жертвам. Это безумие. Кто из нормальных верующих захочет оставаться в Церкви, которая одинаково почитает убийц и мучеников, развратников и святых?» Вот слово архимандрита Макария (Веретенникова): «Напомню, что за время правления Ивана Грозного единственным митрополитом, который скончался своей смертью, оставаясь главой Церкви, был святитель Макарий. Все остальные митрополиты либо сами покидали престол, либо их низводили. О какой же святости после этого можно говорить?»⁴¹³ Епископ РИПЦ Дионисий (Алферов) говорит сходные вещи: «...если для кукловодов кампании по канонизации Грозного характерны циничный расчет и выполнение политического заказа, то для “кукол”, заблуждающихся искренно, характерно глубокое духовное повреждение. Поразительно, что вроде бы православных людей вдохновляет и привлекает пример не мучеников, не страстотерпцев, не подвижников, а их палачей...» И далее: «Православные патриоты! Не поклоняйтесь же никогда собачьей морде и всему, что она олицетворяет!»⁴¹⁴ Столь значительные и уважаемые архиереи наши, как митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, а также митрополит Волоколамский Питирим, бывало, высказывались положительно о государе Иване Васильевиче, но никогда не призывали они к канонизации Ивана IV⁴¹⁵.

Вот и весь сказ.

Георгий Петрович Федотов прославил духовный подвиг св. митрополита Московского Филиппа, возвысившего голос против Ивана Грозного. Правда, Федотов пишет о какой-то абстрактной «Христовой правде», т.е. скорее социальной справедливости, чем преданности заповедям Его, но общий смысл его слов верен: «Подвиг митрополита Филиппа дает настоящий смысл и служению его сопастырей на московской кафедре Успения Богородицы: св. Алексия и св. Гермогена. Один святитель отдал труд всей жизни на укрепление государства московского, другой самую жизнь, обороняя его от внешних врагов. Св. Филипп отдал жизнь в борьбе с этим самым государством, в лице царя, показав, что и оно должно подчиниться высшему началу жизни. В свете подвига Филиппова мы понимаем, что не московскому великодержавию служили русские святые, а тому Христову свету, который светился в царстве, — и лишь до тех пор, пока этот свет светился»⁴¹⁶.

Московское великодержавие было для страны благом, а для Русской цивилизации — одной из главных составляющих. Просто царь Иван Васильевич оказался дурным птенцом в гнезде наших самодержцев...

Во дворе Михайловского замка стоит памятник Павлу I: огромный трон, огромные ботфорты, огромное всё... кроме государя. Государь — сущий плюгавец. Государь оказался на два размера мельче и страны, и рыцарских идеалов, которые он пытался проповедовать. Так вот, Иван Васильевич тоже принял под державную руку страну и культуру себе не по размеру. Он оказался мельче Русской цивилизации и мельче идеалов христианства, составлявших ее основу.

Вспоминается образ императора Юстиниана в пьесе «Отравленная туника», принадлежащей перу Николая Степановича Гумилева. Император хотел быть мудрым и справедливым, хотел сыграть свою роль чисто, не сфальшивить. Но его терзали страсти: политическое стяжательство

и пошлая ревность стубили веру государя, нравственность, мудрость... Вот и царь Иван IV — если и был великим в чем-то, так это в эмоциях, наполнивших историю страны звуками угрозы: бурный поток гнева, мутный ручей ужаса, гремящая река похоти, оглушительный водопад гордыни. Как устроитель земли Русской он хорош тем, что в истории его жизни звучит глас Божий, призывающий поглядеть на царевы страсти, ужаснуться и укротить свои. Для человеческих ушей тяжки слова Бога, но это дар Его любви к нам. Государь Иван Васильевич, вероятно, послан был нашим предкам в качестве подсказки или же испытания во исправление. Это был настоящий бич русского народа, отучавший нашего человека от привычки к своевольству и в личном, и в общественном смысле...

Но будь же ты и к нему милостив, Господи! Все мы грешные люди. Прости нас. Прости и его.